

Т. Е. Белоруссова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ЛАТИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПЕЛОПОННЕСА В УСЛОВИЯХ ПАЛЕОЛОГОВСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ В РЕГИОНЕ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XV в.)

В начале XV в. полуостров Пелопоннес (Морея) продолжал быть зоной затяжного греко-латинского противостояния, которое началось с завоевания участками Четвертого крестового похода византийских территорий. К рассматриваемому периоду баланс сил на полуострове радикально изменился, и теперь уже роми Морейского деспотата во главе с деспотами из династии Палеологов (1383–1460) проводили завоевательную политику против латинян Ахейского княжества. В статье рассматривается влияние византийской «реконкисты» в Морею на латинское население полуострова: жителей Ахейского княжества, а также венецианских территорий, которым регулярные столкновения соседей наносили ущерб. Опираясь на венецианский архивный материал, данные византийских нарративных источников (исторические сочинения Георгия Сфрандзи, Лаоника Халкокондила и Дуки, риторические сочинения Мануила II Палеолога и Георгия Гемиста Плифона), автор статьи анализирует, как завоевательная политика Палеологов изменила жизнь латинского населения и отношение греков к нему. Делается вывод, что рассматриваемый период стал для латинского населения критическим не только с политической, но также с психологической и экономической точек зрения. Крайне тревожные настроения в латинской среде были связаны с колоссальным экономическим ущербом от военных действий, с неуверенностью в будущем из-за малочисленности латинского населения в Морею. Несмотря на это, после вхождения Ахейского княжества в состав Морейского деспотата (1430) латинянам по-прежнему оставалось место в изменившихся реалиях, однако исключительно на византийских условиях.

Ключевые слова: Палеологи; Пелопоннес; Морейский деспотат; Ахейское княжество; Венецианская республика; латиняне; греко-латинское противостояние

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Цитирование: *Белоруссова Т. Е.* Латинское население Пелопоннеса в условиях палеологовских завоеваний в регионе (первая треть XV в.) // Античная древность и средние века. 2024. Т. 52. С. 351–371. <https://doi.org/10.15826/adsv.2024.52.020>

Поступила в редакцию: 02.07.2024

Принята к печати: 12.10.2024

T. E. Белоруссова

Tatiana E. Belorussova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**LATIN POPULATION OF THE PELOPONNESOS
IN THE CONTEXT OF THE PALEOLOGAN
CONQUESTS IN THE REGION (FIRST THIRD
OF THE FIFTEENTH CENTURY)**

In the early-fifteenth century, the Peloponnesos (Morea) continued to be a zone of Greek-Latin confrontation, which started when the Fourth Crusade participants conquered Byzantine territories. By the period under study, the balance of power on the peninsula radically changed, so the Romaioi of the *Despotate* of the Morea, led by the *despotai* of the Palaiologos dynasty (1383–1460), were pursuing the policy of conquest against the Latins of the Principality of Achaea. This article examines the impact of the Byzantine “Reconquista” in the Morea on the peninsula’s Latin population: the inhabitants of the Principality of Achaea, as well as the Venetian territories, which suffered collateral damage from regular clashes between their neighbours. The author uses Venetian documentary material and Byzantine narrative sources (historical works by George Sphrantzes, Laonikos Chalkokondyles, and Doukas, rhetorical works by Manuel II Palaiologos and George Gemistos Plethon) as the background to analyse how the Palaiologoi’s expansion changed the life of the Latin population and the Greeks’ attitude towards the latter. The conclusion is that the period in question was critical for the Latin population from not only political but also psychological and economic points of view. Extremely alarming feelings of the Latins were associated with the colossal economic damage from military actions and uncertainty about the future due to the small number of the Latin population in the Morea. Nevertheless, after the annexation of the Principality of Achaea by the *Despotate* of the Morea (1430), the Latins still found their place in the changed realities, but solely on Byzantine terms.

Keywords: Palaiologoi; Peloponnesos; *Despotate* of the Morea; Principality of Achaea; Venetian Republic; Latins; Greek-Latin confrontation

Acknowledgements

This research is funded by the Ural Institute of Humanities at the Ural Federal University (“My First Grant” Program).

For citation: Belorussova, T. E. (2024). Latinskoe naselenie Peloponnesa v usloviakh paleologovskikh zavoevanii v regione (pervaia tret’ XV v.) [Latin Population of the Peloponnesos in the Context of the Palaiologan Conquests in the Region (First Third of the Fifteenth Century)] *Antichnaya drevnost’ i srednie veka*, 52, 351–371. <https://doi.org.10.15826/adsv.2024.52.020>

Submitted: 02.07.2024

Accepted: 12.10.2024

Политическая обстановка на Пелопоннесе к началу XV в. не была стабильной. Уже почти два столетия Морея являлась одной из зон затяжного конфликта между местным ромейским населением и обосновавшимися на полуострове латинянами, однако ситуация в этом противостоянии к началу рассматриваемого периода радикально изменилась¹. Переход византийского Морейского деспотата под непосредственное управление династии Палеологов в 1383 г. ознаменовал новый этап в политической жизни Пелопоннеса, что было отчасти обусловлено амбициями византийской династии по вытеснению латинян Ахейского княжества с полуострова². Византийская экспансия стала возможна еще и по причине фактической анархии в латинских владениях после появления в последние десятилетия XIV в. новых политических акторов в Ахайе: наемников Наваррской кампании, которым удалось заполучить власть в княжестве³; госпитальеров Родоса, а также представителей знатных итальянских родов Аччайуоли, Токко и Дзаккария⁴, которые по ряду причин связывали свое будущее с ахейскими землями. В свою очередь, факт их укоренения в княжестве окончательно дестабилизировал греко-латинские взаимоотношения на государственном уровне.

Проблема военно-политических перипетий на Пелопоннесе первой трети XV в., их обстоятельств и последствий активно изучалась исследователями⁵, однако в фокусе данной статьи находится иной аспект палеологовской «реконкисты». В силу состояния источниковой базы остается нерешенным вопрос,

¹ *Bon A.* La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). Paris, 1969. P. 279; *Loenertz R.-J.* Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404) // *Études byzantines*. 1943. T. 1. P. 190–191; *Tsougarakis N. I.* The Latins in Greece: A Brief Introduction // *A Companion to Latin Greece* / ed. N. Tsougarakis. Leiden ; Boston, 2014. P. 5–6.

² *Jacoby D.* La féodalité en Grèce médiévale: les “Assises de Romanie”, sources, application et diffusion. Paris, 1971. P. 21.

³ *Luttrell A.* Appunti sulle Compagnie Navarresi in Grecia, 1376–1404 // *Rivista di Studi Bizantini e Slavi*. 1984. Vol. 3. P. 113–116.

⁴ *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. London ; New York, 1995. P. 132–134.

⁵ *Zakythinos D. A.* Le Despotat Grec de Morée. Paris, 1932. Vol. 1 : Histoire politique; *Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. СПб., 1973; *Necipoglu N.* Byzantium Between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

связанный с судьбами латинского населения Пелопоннеса в рассматриваемый период, поскольку отсутствуют переписи населения. Некоторый свет на этот вопрос, однако, позволяет пролить венецианский актовый материал первой трети XV в. и византийские нарративные источники, которые освещают события планомерного отвоевания Ахайи деспотами из династии Палеологов. Как сказалась экспансия Палеологов на латинском населении полуострова в психологическом и бытовом плане? Ухудшилось ли отношение ромеев Морейского деспотата к латинянам на фоне военных действий? Боролись ли Палеологи с латинянами вплоть до их изгнания с полуострова или же в большей степени стремились распространить на них свою власть, сохраняя характер государственного образования как полиэтничного? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья.

Латиняне, несмотря на то что они составляли на Пелопоннесе этническое меньшинство⁶, населяли полуостров с начала XIII в. и являлись уже привычными соседями ромеев. Источники начала XV в. отмечали полиэтничность населения Мореи как ее отличительную особенность. В частности, в сатире «Мазариса»⁷ именно этническая неоднородность и отсутствие политического единства автор считает причиной плачевной ситуации на Пелопоннесе: «Если бы жители Пелопоннеса составляли один народ и их объединяло бы одно государство, зло было бы значительно меньше и люди эти жили бы честнее, проще и спокойнее, придерживаясь законов и справедливости»⁸. Так, между строк читается убежденность автора сатирического сочинения в необходимости преобразований в деспотате, направленных в первую очередь на их объединение под эгидой Византии. Примечательно, что латиняне именуется анонимным автором Ἰταλοί⁹, что коррелируется со снижением процента франкских знатных семей в Ахейском

⁶ *Dourou-Eliopoulou M.* The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, According to 13th and 14th-Century Latin Sources // *Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.)* / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermitzaki, A. Papageorgiou. London ; New York, 2020. P. 226.

⁷ *Anecdota Græca e Codicibus Regiis* / ed. F. Boissonade. Paris, 1831. Vol. 3. P. 112–186; рус. пер.: Мазарис // *Византийский сатирический диалог* / изд. подгот. С. В. Полякова, И. В. Феленковская ; отв. ред. Я. Н. Любарский. Л., 1986. С. 72–128.

⁸ Мазарис. С. 116–117.

⁹ *Anecdota Græca e Codicibus Regiis*. Vol. 3. P. 174,8.

княжестве, на смену которым еще в XIV в. пришли многочислен-ные итальянцы¹⁰. Употребление именно этого этнонима также может натолкнуть на мысль, что выходцы с Апеннинского полуострова во время появления «Мазариса» выступали наиболее активными политическими игроками на Пелопоннесе в конфронтации с Морейским деспотатом, а также в попытках его урегулирования.

К началу XV в. территории Пелопоннеса были разделены между правителями Морейского деспотата, Ахейским княжеством, Карло Токко (графом Кефалонии и наследником Нерио Аччайуоли), госпитальерами Родоса (до 1404 г.), Патрским архиепископством и венецианскими владениями на юге и северо-востоке полуострова. Именно византийский деспот Феодор I Палеолог (1383–1407) управлял большей частью территорий, которая включала Лаконию, Аркадию и район Коринфа (после 1404 г.)¹¹. Однако в самом деспотате, ослабленном непрерывными войнами с латинянами и османскими экспедициями, ситуация к началу XV в. была близка к критической, относительно стабилизировавшись лишь после поражения османов в битве при Анкаре (1402)¹². На фоне череды кризисных событий, весьма вероятно, отношение ромеев к латинянам – одной из политических угроз внутри самого полуострова – претерпевало определенные трансформации.

Византийский историк Лаоник Халкокондил сообщает, что в 1400 г. деспот Феодор I продолжал переговоры с госпитальерами Родоса¹³, которым он к тому моменту продал отвоеванный им у Карло Токко Коринф – наследие его жены Бартоломеи, дочери Нерио Аччайуоли¹⁴. Отметим, что сам факт присутствия католи-

¹⁰ *Balard M.* Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) // *The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492* / ed. J. Shepard. Cambridge, 2007. P. 835.

¹¹ *Bon A.* La Morée franque... P. 279–280.

¹² *Медведев И. П.* Мистра... С. 33; *Leonte F.* A Brief “History of the Morea” as Seen through the Eyes of an Emperor-Rhetorician Manuel II Palaiologos’s Funeral Oration for Theodore, Despot of the Morea // *Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese* / ed. Sh. E. Gerstel. Washington, D.C., 2009. P. 414.

¹³ *Laonikos Chalkokondyles.* The Histories / transl. A. Kaldellis. Cambridge (Mass.) ; London, 2014. Vol. 1. P. 156. II, 45.

¹⁴ *Manuel II Palaiologos.* Funeral Oration on His Brother Theodore / introd., text, transl. and notes by J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985. P. 167. 18–20; *Laonikos Chalkokondyles.* The Histories. Vol. 1. P. 344. IV, 50.

ческого ордена на Пелопоннесе обеспокоил местное греческое население¹⁵, причем это беспокойство не было беспочвенным: император Мануил II Палеолог (1391–1425), брат деспота, упоминал в своей «Надгробной речи» о заинтересованности рыцарей в Пелопоннесе, а также о переговорах отчаявшегося Феодора о продаже им других территорий деспотата, включая его столицу Мистру. Деспот, по словам Мануила, «был бессилён контролировать регион из-за бедствий... которые сменялись с невиданной скоростью»¹⁶. Перспектива подчинения военно-монашескому ордену под властью папского престола не могла не напугать православное население морейской столицы. И. П. Медведев подчеркивает активную роль духовных лидеров в противодействии мистриотов продаже города госпитальерам, в первую очередь, православного архиепископа Мистры, «главного врага латинян»¹⁷. Кроме того, госпитальеры для населения полуострова, помимо их принадлежности к чуждой им католической церкви, являлись также пришельцами извне – чужаками, к которым пелопоннесцы на протяжении всего позднего Средневековья сохраняли крайне настроенное отношение¹⁸.

Согласно Халкокондилу, жители Мистры, узнав о «предательстве своего правителя», решили, что не позволят представителям ордена войти в город: «Они были готовы к любым тяготам, чтобы не подчиниться латинским монахам»¹⁹. Это сопротивление имело успех, и Феодор, заполучивший прощение своих жителей, дал им «клятву, что никогда больше не подумает о подобном»²⁰. Таким образом, в условиях политической нестабильности и военной угрозы ромеи Морейского деспотата сохраняли враждебный настрой в отношении латинского присутствия на своих территориях и особенно их возможного владычества над ними, даже

¹⁵ *Necipoğlu N.* Byzantium Between the Ottomans and the Latins... P. 258.

¹⁶ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 179.14–17.

¹⁷ *Медведев И. П.* Мистра... С. 32.

¹⁸ *Белоруссова Т. Е.* Особенности локальной идентичности греко-латинской знати Пелопоннеса (XIV – начало XV вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 1 (123). URL: <https://history.jes.su/s207987840023778-4-1/> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 158. II, 45.

²⁰ *Ibid.*

если это был шаг, как преподносил его Мануил II, необходимый для усиления безопасности от османов.

Можно ли экстраполировать подобное отношение ко всем латинянам, проживавшим на Пелопоннесе в рассматриваемый период? Посягательство госпитальеров на владение Мистрой, по всей видимости, охладило и общее отношение ромеев к католикам, которые с этого времени, возможно, сильнее ассоциировались с агрессорами и претендентами на византийские территории. Последний факт, в свою очередь, лишь укреплял в лояльных Палеологам кругах деспотата убеждения в необходимости наступательной политики. Подобной линии в «Надгробной речи» придерживается и Мануил II, обозначая целью прибытия своего брата Феодора на Пелопоннес возобновление византийского контроля над всем регионом²¹.

Несмотря на подобное напряжение, ромеев с латинянами по-прежнему объединяла христианская вера, что имело особое значение в борьбе против иноверцев-османов. Так, в 1401 г. венецианец Алаизио да Каналь, живший в Модоне, в одном из своих писем выражал надежду на скорейшее наступление времени, «когда христианство победит вероломного врага Креста»²². Так, османская угроза в начале XV в. все же выдвинулась на первый план, затмив греко-латинское противостояние в восприятии части венецианского населения Пелопоннеса. Другие венецианские документы рубежа XIV–XV вв., однако, свидетельствуют о напряженности между латинянами и ромеями полуострова. В случае с венецианскими территориями остро стояла проблема малочисленности латинского населения, особенно обнажившаяся в связи с эпидемиями чумы второй половины XIV в. и разрушительными османскими рейдами конца XIV в. Инструкция Сената к кастелянам Корона и Модона от 2 августа 1398 г. констатировала проблему нехватки людей в гарнизонах обоих городов, из-за чего венецианцы «были вынуждены принимать на эти должности греков»²³. Подобная ситуация вызывала беспокойство у венецианской адми-

²¹ *Leonte F.* A Brief “History of the Morea”... P. 406.

²² *Dennis G. T.* Three Venetian Letters from Modon, 1400–1401 // *Dennis G. T.* Byzantium and the Franks: 1350–1420. London, 1982. P. 7.19.

²³ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanic* / ed. F. Thiriet. Paris, 1958. Vol. 1. № 945.

нистрации, опасавшейся восстаний местного населения, особенно теперь, когда Венеция имела опыт продолжительных военных действий против Морейского деспотата²⁴. Судя по всему, Республика опасалась доверять своему греческому населению вопросы обороны на фоне практически непрерывных столкновений ромеев и латинян Ахейского княжества.

Сенат в 1398 г. постановил направить в Корон и Модон по 50 наемников с целью уравновесить этнический состав гарнизонов. Предполагалось повторять подобные отправки людей ежегодно в течение следующих пяти лет²⁵. Однако эти действия оказались недостаточными. Инструкции Сената на Пелопоннес от 22 апреля 1401 г. вновь отражают проблему малочисленности латинян на подвластных республике территориях. Согласно этому документу, в местечке Сант-Иоанн (*Sancti Johannis*), относящемуся к территории Корона, проживало 380 человек, среди которых насчитывалось только 80 латинян²⁶ – т. е. 21% об общего числа жителей. В том же году в Сенате было принято решение направить дополнительно четыре отряда пехотинцев и арбалетчиков, чтобы уравновесить численность греков в гарнизоне Корона, поскольку в Сенате находили факт греческого засилья «опасным, особенно в настоящее время»²⁷. Так, венецианское население ощущало определенное давление со стороны греческого большинства, и этот дисбаланс сказывался как на чувстве безопасности населения Корона и Модона, так и на уверенности в благополучии этих двух факторий со стороны Сената.

Усугубляли общий тяжелый психологический климат на полуострове и военные действия между деспотатом и княжеством, что вызывало обеспокоенность Венеции сразу по нескольким причинам. В постановлении от 16 сентября 1401 г. содержались инструкции кастелянам Корона и Модона содействовать

²⁴ В 1388 г. между Венецией и Морейским деспотатом началась война за франкские Аргос и Навплион, которая завершилась в 1394 г. победой Венеции, но лишь по причине прямой османской угрозы всему полуострову (*Zakynthinos D. A. Le Despotat Grec de Morée. Vol. 1. P. 138–139*).

²⁵ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* Vol. 1. № 945.

²⁶ *Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th Centuries* / ed. J. Chrysostomides. Camberley (Surrey), 1995. No. 230. P. 462.110–111.

²⁷ *Monumenta Peloponnesiaca. No. 240. P. 482.*

заклучению мира между князем и деспотом, чтобы «эта страна (Морея. – Т. Б.) не попала в руки неверных»²⁸. Это вновь подтверждает тот факт, что османская угроза к началу XV в. волновала венецианцев сильнее завоевательной политики Палеологов. Подкрепляет это утверждение и постановление Сената 1403 г. об удовлетворении просьбы императора Мануила II Палеолога доставить его на Пелопоннес, чтобы урегулировать дела в Морее, «поскольку его брат, господин деспот, слаб здоровьем, чтобы упомянутое владение не перешло в руки чужаков»²⁹. С. Рансимен, однако, отмечал, что Палеологи на Пелопоннесе постепенно боролись со всеми латинянами, кроме тех венецианцев, на чью помощь против османов ромеи полагались, несмотря на частые противоречия между ними³⁰. Учитывая этот факт, необходимо обозначить, вероятно, существенные различия в восприятии палеологовской экспансии венецианцами и латинянами Ахейского княжества, по крайней мере, в первую декаду XV в.

Ахейскому князю Чентурионе II Дзаккария (1404–1430) же пришлось столкнуться не только с Палеологами, но и с амбициями династии Токко, стремившейся наиболее прочно утвердиться в Ахайе³¹. Весной 1404 г. вспыхнул конфликт между Чентурионе II и Леонардо Токко, братом графа Кефалонии Карло I. Воспользовавшись ситуацией, деспот Феодор I принял решение атаковать ахейского князя, вступив в союз со своим недавним противником³². По всей видимости, в этом противостоянии деспот придерживался принципа *divide et impera*, поддерживая раздор в латинских кругах и снижая степень их угрозы по отношению к деспотату.

Борьба Феодора против Чентурионе II продлилась вплоть до смерти деспота летом 1407 г. Об этих военных действиях известно лишь, что они отличались крайней жестокостью, и 30 октября 1406 г. Чентурионе из своей резиденции в Кларенце

²⁸ Monumenta Peloponnesiaca. No. 237. P. 478.91–93.

²⁹ Ibid. No. 263. P. 509.12–14.

³⁰ Runciman S. The Lost Capital of Byzantium. The History of Mistra and the Peloponnese. London ; New York, 2010. P. 69.

³¹ Zečević N. The Tocco of the Greek Realm: Nobility, Power and Migration in Latin Greece (14th–15th Centuries). Belgrade, 2014. P. 79.

³² Tzavara A. Clarentza: une ville de la la Morée latine, XIIIe–XVe siècles. Venice, 2008. P. 68.

обратился с просьбой к Венеции вмешаться, чтобы урегулировать этот конфликт³³. Венецианские постановления свидетельствуют, что война князя и деспота беспокоила республику, которая была заинтересована в поддержании мира и в сохранности своих владений. Так, 14 октября 1406 г., еще до просьбы князя, в Сенате обсуждались вопросы, связанные с вторжением ромеев на территории венецианцев. Согласно тексту постановления, ромеями был отбит набег князя на территорию деспотата, после чего они перешли в наступление на приграничные с княжеством венецианские территории, нанеся им серьезный урон³⁴. Венеция, таким образом, также несла убытки от наступательной политики Палеологов на Пелопоннесе, хоть и не принимала участия в военных действиях.

Республика не могла оставить без внимания факт нападения на свои территории, и 1 марта 1407 г. утвердила инструкцию своему послу к Феодору I, которая гласила: «Вопреки искренней доброжелательности, которая всегда царила между его (Палеолога. – Т. Б.) благороднейшим домом и нашей администрацией, (ромей. – Т. Б.) враждебные и вооруженные (люди. – Т. Б.) прошли по нашим землям, чиня грабежи, разрушения и насилие, а также устраивая пожары на вышеупомянутых территориях»³⁵. Целью посольства было достичь примирения между деспотом и князем Чентурионе II³⁶, остановив разрушительную войну. В тот же день было направлено и послание к императору Мануилу II с уведомлением, что в случае, если посольство к его брату не возьмет результата, Республика будет вынуждена взыскать убытки с деспота иными способами, «руководствуясь соображениями чести»³⁷. Подобная ультимативная стратегия использовалась Венецией в случаях, когда иные дипломатические механизмы решения проблем не работали. К сожалению, неизвестно, как отреагировала Византия на это обращение, однако дальнейшего напряжения в отношениях империи с Республикой не последовало.

³³ *Bon A. La Morée franque...* P. 282–283.

³⁴ *Monumenta Peloponnesiaca.* No. 280. P. 532.

³⁵ *Ibid.* No. 285. P. 539.

³⁶ *Ibid.* P. 540.

³⁷ *Ibid.* No. 286. P. 542.

Никколо Фоскало, на которого была возложена миссия венецианского посольства в Мистру, так и не удалось добиться аудиенции по причине серьезной болезни деспота³⁸, от которой он умер в Мистре 24 июня 1407 г.³⁹ Смерть Феодора I, однако, не остановила военные действия на полуострове. В то время как Венеция активно пыталась восстановить мир, Леонардо Токко напал на Кларенцу – главный порт Ахейского княжества и резиденцию Чентурионе II⁴⁰. Анонимный автор «Хроники Токко» называет главной причиной этой атаки месть за предшествующие нападения со стороны ахейского князя⁴¹. Этот шаг, по мнению Д. Никола, означал также распространение завоевательных амбиций семьи Токко на Пелопоннес⁴². Лаоник Халкокондил же указывал, что Карло Токко был «одним из самых могущественных тиранов и, казалось, среди современников не имел себе равных в государственном управлении и войне, хорошо проявив себя в войнах против своих соседей»⁴³, т. е. оценивал его политические способности много выше ахейского князя. Эпизод взятия Кларенцы хорошо иллюстрирует специфику отношений внутри латинских политических образований в начале XV в., демонстрируя их феодальную природу. Можно сказать, что смерть Феодора I развязала руки латинянам в их борьбе за ахейские территории без опаски быть атакованными ромеями, поскольку наследник деспота – его племянник Феодор II (1407–1443) – был еще несовершеннолетним и не мог самостоятельно управлять деспотатом.

В ответ на нападение Токко Чентурионе II вновь запросил у Венеции поддержку, и Республика в начале 1408 г. заверила его в своем содействии по возвращению Кларенцы князю, чтобы тот мог «убедиться в благих намерениях Венеции» по отношению к нему⁴⁴. Тогда же архиепископ Патр и брат князя Стефан заключил

³⁸ Monumenta Peloponnesiaca. No. 287. P. 544.

³⁹ Manuel II Palaiologos. Funeral Oration... P. 25.

⁴⁰ Bon A. La Morée franque... P. 283.

⁴¹ Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo / ed. J. Schirò. Roma, 1975. P. 258.530–532.

⁴² Nicol D. M. The Despotate of Epiros 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages. Cambridge, 1984. P. 172.

⁴³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 352. IV,56.

⁴⁴ Régestes des délibérations du Sénat de Venise... Paris, 1959. Vol. 2. № 1295.

с венецианцами соглашение, по которому передали город с портом, замком и всей баронией под управление Венеции на пять лет⁴⁵. Таким образом, представители семьи Дзаккария на Пелопоннесе искали для себя безопасности под покровительством Венеции, которая в рассматриваемый период все чаще выступала арбитром в конфликтах соседей друг с другом. Сам же факт обращения за помощью свидетельствует о том, что латиняне Ахейского княжества более не чувствовали себя в безопасности на Пелопоннесе, а также, по сравнению с предшествующими XIII–XIV вв., не были в состоянии проводить самостоятельную внешнюю политику.

Венеции удалось добиться трехлетнего перемирия между противниками лишь спустя шесть лет. Мирный договор был ратифицирован представителями князя и дома Токко в Венеции 12 июля 1414 г.⁴⁶ Кларенца была возвращена Чентурионе, однако князь, не чувствуя достаточной поддержки со стороны Венеции, решил запросить защиты у главного соперника Республики Св. Марка – Генуи⁴⁷. Необходимо отметить, что в то время Ахайе угрожал не только Морейский деспотат, но и османы: вскоре Чентурионе вместе с деспотом Морей и к тому времени герцогом Янины Карло Токко был вынужден признать себя данником султана Мехмеда I (1413–1421)⁴⁸. Очевидно, что этот факт также оказал серьезный деморализующий эффект на латинское население Пелопоннеса, поскольку предшествующие годы, отмеченные военными действиями, прошли без вмешательства османского государства, которому местные правители теперь были вынуждены выражать свою лояльность.

В начале 1415 г. на Пелопоннес в сопровождении большого числа придворных прибыл император Мануил II⁴⁹. По всей видимости, примерно за год до этого Георгием Гемистом Плифоном в письме к императору был составлен проект преобразований для Пелопоннеса⁵⁰, которому мыслитель впоследствии пророчил

⁴⁵ *Bon A.* La Morée franque... P. 283.

⁴⁶ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* Vol. 2. № 1535.

⁴⁷ *Bon A.* La Morée franque... P. 284.

⁴⁸ *Michaelis Ducae nepotis historia Byzantina* / ed. I. Bekker. Bonn, 1834. P. 97–98. XX.2.

⁴⁹ *Медведев И. П.* Мистра... С. 34.

⁵⁰ *Hladký V.* The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy. Farnham, 2014. P. 11.

статус нового центра восстановленной империи ромеев⁵¹. Можно лишь предполагать, связаны ли эти два факта, но император сделал столицу деспотата Мистру своей резиденцией на целый год, продемонстрировав очень серьезное отношение к пелопоннесским владениям империи⁵². К этому времени Морея осталась одной из немногих византийских территорий, что, безусловно, увеличивало ее значение для Византии и ее заинтересованность в расширении влияния на северо-запад полуострова.

Прежде всего, императора заботил вопрос защиты полуострова от нападений извне. Лаоник Халкокондил сообщает, что за время своего пребывания на Пелопоннесе Мануил II, пользуясь миром с османами, организовал укрепление Гексамиллиона – сети оборонительных сооружений вдоль Коринфского перешейка, мобилизовав для этого население Морейского деспотата, «чтобы каждый внес вклад пропорционально своим средствам»⁵³. Согласно же историку Дуке, императору удалось также взять верх над Ахейским княжеством, «подчинив Ахейского князя и потомков дома Наварры»⁵⁴, однако подробностей о военных действиях за время присутствия Мануила в Морее источники не сообщают. «Хроника Токко», однако, упоминает о намерениях императора изгнать латинян из Ахайи⁵⁵, что косвенно подтверждает угрозу, которую ощущало латинское население не только Пелопоннеса, но и соседних Закинфа, Кефалонии и Эпира. Последующие действия императора подтверждают эти опасения: после своего возвращения в 1416 г. в Константинополь он направил в Морее своего сына и соправителя Иоанна VIII⁵⁶, а через год к нему присоединился младший сын императора Фома⁵⁷. Пожалуй, последовательная отправка наследников Мануила на Пелопоннес подтверждает серьезность намерений Палеологов в отношении Пелопоннеса и, разумеется, судьбы их латинских соседей в Ахайе,

⁵¹ Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах / пер. и предисл. Б. Т. Горянова // ВВ. 1953. Т. 6(31). С. 398.4–5.

⁵² *Медведев И. П.* Мистра... С. 34.

⁵³ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 302. IV, 19.

⁵⁴ Michaelis Ducae nepotis historia Byzantina. P. 102.17–24.

⁵⁵ Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo. P. 481.3502–3508.

⁵⁶ Giorgio Sfranze. Cronaca / ed. R. Maisano. Roma, 1990. P. 10. IV.

⁵⁷ Ibid. P. 14. VI.

с присутствием которых ромеи больше не желали мириться. Исходя из этого, можно сделать вывод об окончательной смене принципов греко-латинских взаимоотношений на полуострове, которые длительное время базировались на компромиссах и терпимости к вынужденному соседству.

Еще один фрагмент из «Истории» Лаоника Халкокондила вызывает интерес в связи с политикой Палеологов на Пелопоннесе. Повествование о ремонте укреплений на Истме историк завершает сюжетом о заключении императором под стражу непокорных архонтов, «не желавших подчиняться эллинским правителям, полагая, что это не в их интересах», и их отправке ко двору в Константинополь в качестве пленников⁵⁸. Тем самым Мануил II, по-видимому, на время прервал многолетнюю традицию сопротивления местных землевладельцев центральной администрации, борьбу с которыми вел его брат Феодор со своего прибытия в Морею⁵⁹. Высылка нелояльных элементов в столицу, очевидно, была направлена на укрепление внутреннего единства деспотата в преддверии нового этапа военных действий против латинян.

В мае 1417 г. ромеи начали успешное наступление на территории Ахейского княжества, отвоевав Мессению и Элиду. Чентурионе II, по-видимому, не мог самостоятельно оказать отпор силам деспота и укрылся в своей резиденции Кларенце, где его вскоре осадили ромейские отряды⁶⁰. Венецианский Сенат же, получив известия о военных действиях в Ахайе, 19 июля 1417 г. постановил отправить 75 пехотинцев в Корон и Модон⁶¹, вероятно, чтобы избежать повторения ситуации 1406 г. с разорением собственных территорий. К этому времени (1416–1418) относится составление двух речей Плифона – к императору Мануилу II и деспоту Феодору II, в которых философ предлагал план обширных политико-административных преобразований для деспотата⁶². Примечательно, что речь к императору начинается с упоминания, что война против латинян на Пелопоннесе с успехом

⁵⁸ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 302–304. IV.19.

⁵⁹ Loenertz R.-J. Pour l'histoire du Péloponnèse au XIVe siècle... P. 168.

⁶⁰ Bon A. La Morée franque... P. 285.

⁶¹ Notes et extraits pour servir l'histoire des croisades au XVe siècle / ed. N. Iorga. Paris, 1899. Vol. 1. P. 267.

⁶² Hladký V. The Philosophy of Gemistos Plethon... P. 11–12.

завершена, а «большинство их наиболее удобно расположенных владений, долгое время оторванных от нас, теперь возвращены»⁶³. Эти строки вновь свидетельствуют о крайне высокой мотивации Палеологов в присоединении земель княжества к Морейскому деспотату. Можно резюмировать, что к середине рассматриваемого периода ромеи сфокусировались на завершении «реконкисты» Пелопоннеса и направили на это внушительные средства, чем ранее византийская провинция, а позднее и деспотат, не располагали.

В 1418 г. было заключено перемирие, вероятно, из-за необходимости отъезда Иоанна Палеолога в Константинополь, где ранее скончалась его жена Анна⁶⁴. После этой войны под контролем латинян в Ахайе остались лишь барония Халандрица на северо-западной оконечности полуострова, а также Патры и Кларенца. Последней к тому времени вновь завладел Карло Токко, который выкупил ее у итальянского авантюриста Оливьерио Франконе, захватившего город в момент политического хаоса⁶⁵. По мнению И. П. Медведева, от полного поражения Ахейское княжество спасло также серьезное дипломатическое противодействие Венеции, которое республика оказывала ромеям в связи с их борьбой против Чентурионе и набегами на ее территории албанских подданных деспота⁶⁶. Усугубление же отношений с венецианцами, в свою очередь, было слишком рискованным для Палеологов, поскольку исключительно на их содействие они могли рассчитывать в защите региона от османов.

Венецианские постановления фиксируют, что перемирие закончилось в 1421 г. Судя по тому, что Сенат принял решение направить на Пелопоннес посла для взыскания ущерба с деспота, после чего – в Константинополь для аудиенции к императору с требованием восстановить мир⁶⁷, военные действия вновь инициировала византийская сторона, что решительно не устраивало

⁶³ Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. С. 397.1.

⁶⁴ *Bon A.* La Morée franque... P. 287.

⁶⁵ *Laonikos Chalkokondyles.* The Histories... Vol. 1. P. 400. V, 30; *Zečević N.* The Tocco of the Greek Realm... P. 92.

⁶⁶ *Медведев И. П.* Мистра... С. 35; *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* Vol. 2. № 1697.

⁶⁷ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise...* Vol. 2. № 1808.

Республику. Опасения Венеции, по всей видимости, были связаны не только с опасностями, которые несли военные действия внутри Мореи перед угрозой со стороны османов, но и с политическим усилением византийского деспотата, которое нарушало хрупкий баланс сил в регионе. Наконец, Республика вновь несла сопутствующий ущерб из-за войны между своими соседями.

Заключительный этап палеологовской «реконкисты» подробно освещен византийскими историками. Пауза в отвоевании ахейских территорий, связанная с ухудшением отношений с Османской империей и карательной экспедицией Турахан-бея 1423 г. на Пелопоннес, была преодолена мирным договором Византии с Портой в феврале 1424 г.⁶⁸ После этого император Иоанн VIII (1425–1448) взял под личный контроль ситуацию в Мореи, куда прибыл в декабре 1427 г. вместе со своим младшим братом Константином⁶⁹. Ранее люди Карло Токко напали на албанских скотоводов Морейского деспотата во время их сезонной миграции через его территорию. Именно эти агрессивные действия дали византийцам предлог для возобновления войны на Пелопоннесе⁷⁰.

Военный поход на земли Токко в Элиде, согласно очевидцу этих событий Георгию Сфрандзи, оказался тяжелым для обеих сторон: ромеи сумели захватить ряд крепостей, но у них закончились ресурсы для доведения дела до полной победы над противником⁷¹. Однако Карло Токко, понимая, «что сохранить контроль над оставшимися территориями будет невозможно, ибо часть его земель перешла во владение братьев (Палеологов. – Т. Б.)», был вынужден пойти на соглашение с ромеями и уступить свои владения на Пелопоннесе деспоту Константину Палеологу (1428–1449) в качестве приданого его племянницы Маддалены⁷². После бракосочетания, которое состоялось 1 июля 1428 г.,

⁶⁸ Жигалова Н. Э. Битвы за Ахайю: военно-политическая ситуация на Пелопоннесе в 1420-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 4 (90). 8. URL: <https://history.jes.su/s207987840009229-0-1/> (дата обращения: 26.06.2024).

⁶⁹ Georgio Sfranze. Cronaca. P. 30. XV, 1.

⁷⁰ Tzavara A. Clarentza... P. 270.

⁷¹ Georgio Sfranze. Cronaca. P. 36. XVI, 1.

⁷² Ibid.

владения Токко на полуострове официально перешли под контроль ромеев – Георгий Сфрандзи лично возглавил делегацию по передаче Кларенцы ромеям⁷³. Так, спустя два столетия, эти утраченные территории были возвращены под власть Византии. Примечательно, что Карло Токко пошел на подобный шаг, осознавая бесперспективность дальнейшего сопротивления ромеям на Пелопоннесе. Судя по всему, Ахайя, несмотря на его активные попытки укорениться там, оставалась для правителя Кефалонии и Эпира второстепенным владением, и не исключено, что причиной тому было именно опасное соседство с Морейским деспотатом. С победой над Токко неподчиненными, за исключением венецианских территорий Пелопоннеса, остались лишь Халандрица и Патры.

В свою очередь, Лаоник Халкокондил сообщает, что «эллины долгое время находились в состоянии войны с итальянским правителем Ахайи Чентурионе»⁷⁴. Через год после победы Палеологов над Токко Фома Палеолог осадил принадлежавшую Дзаккария Халандрицу⁷⁵, и в сентябре 1429 г. Палеологам удалось достичь соглашения с князем о браке его дочери Екатерины с Фомой, который был заключен в январе 1430 г. в Мистре⁷⁶. В качестве приданого его жены Фоме отошли земли князя в Ахайе и Мессении, за исключением прибрежной части Кипариссии (Аркадии), которые деспот заполучил после смерти князя в 1432 г.⁷⁷ Таким образом, матримониальные союзы, заключенные с противниками, позволили Палеологам объединить под своим владычеством практически все латинские территории на полуострове. Важно подчеркнуть, что после своего фактического поражения Чентурионе II, который теперь находился в родстве с Палеологами, не покинул Морею, и, судя по всему, от него этого не ждали.

Константину Палеологу же удалось подчинить Патры, чей архиепископ Пандольфо Малатеста, зять деспота Феодора II⁷⁸,

⁷³ Georgio Sfranze. Cronaca. P. 36. XVI, 1.

⁷⁴ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 400. V.30.

⁷⁵ Georgio Sfranze. Cronaca. P. 60. XIX, 7.

⁷⁶ Ibid. P. 66. XX, 7; P. 68. XX, 10.

⁷⁷ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 400. V.30.

⁷⁸ Bon A. La Morée franque... P. 290.

ранее отправился в Италию за помощью против ромеев⁷⁹. И хотя в июне 1429 г. жители Патр вручили Константину ключи от города, верхний город, который занимали сторонники Малатесты, продолжил сопротивляться ромеям⁸⁰ и был взят ими только через год⁸¹. Сфрандзи сообщает, что его защитники «сильно страдали от голода и лишений»⁸², что позволяет сделать вывод о категорическом нежелании сторонников католического архиепископа сдать город православным ромеям. Соответственно, в отличие от светских владетелей Ахайи, латинское архиепископство оказало наиболее серьезное сопротивление Палеологам.

Таким образом, потомки захватчиков начала XIII в. были повержены ромеями только на закате существования Византийской империи. По мнению А. Бона, в первую очередь умение представителей династии Палеологов воспользоваться политическими обстоятельствами способствовало присоединению ахейских территорий к деспотату⁸³. Кроме того, отправка наследников Мануила II в Морею и регулярные визиты из Константинополя позволили сконцентрировать немногочисленные силы, которыми располагала империя, чтобы направить их на возвращение давно утраченных территорий в орбиту византийского влияния. Обновление же латинских элит, произошедшее в конце XIV в., также оказало серьезное влияние на смену вектора греко-латинских взаимоотношений, поскольку у новых групп западноевропейских феодалов не было за плечами опыта длительного соседства с ромеями. Не исключено, что именно этот факт повлиял на усугубление прежде компромиссных отношений между представителями государственных образований Пелопоннеса и нивелировал существовавшие ранее механизмы их сотрудничества.

С 1430 г. Морейский деспотат делил контроль над полуостровом только с Венецией, которая с начала XV в. являлась единственным арбитром, с переменным успехом примиряя враждующие стороны. Для латинского же населения Морей

⁷⁹ Georgio Sfranze. Cronaca. P. 56. XIX, 3.

⁸⁰ Ibid. P. 62. XIX.10.

⁸¹ Laonikos Chalkokondyles. The Histories... Vol. 1. P. 398. V.29.

⁸² Georgio Sfranze. Cronaca. P. 70. XXI.3.

⁸³ Bon A. La Morée franque... P. 280–281.

первая треть XV в. стала критическим периодом одновременно с несколькими точками зрения, вне зависимости от их лояльности к Ахейскому княжеству или же Республике Св. Марка. Венецианские источники на протяжении всего рассматриваемого периода фиксируют крайне тревожные настроения в латинской среде Пелопоннеса, связанные как с экономическим ущербом, достигавшим огромных сумм, так и с неуверенностью в будущем этих территорий и опасениями из-за малочисленности латинян перед греческим большинством. Усиление общего уровня тревоги, обусловленного также османскими рейдами, пожалуй, достигло своего апогея в начале 1420-х гг., когда Палеологи перешли к завершающему этапу своей завоевательной политики. Византийские же источники изображают латинских соседей преимущественно в контексте правомерности завоевания их территорий, однако не останавливают внимания на их судьбе после присоединения их владений к Морейскому деспотату. Браки морейских Палеологов на латинских невестах, присутствие при дворе деспотов латинского окружения их жен, а также тот факт, что завоевательная политика не распространялась на венецианские территории, позволяет заключить, что латинянам все же было место в изменившихся морейских реалиях, однако исключительно на византийских условиях.

REFERENCES

- Balard, M. (2007). Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400). In J. Shepard (Ed.), *The Cambridge History of the Byzantine Empire, ca. 500–1492* (pp. 834–851). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bekker, I. (Ed.). (1834). *Michaelis Ducae nepotis historia Byzantina*. Bonn: Impensis ed. Weberi.
- Belorussova, T. E. (2023). Osobennosti lokal'noi identichnosti greko-latinskoi znati Peloponnesa (XIV – nachalo XV vv.) [Features of the Local Identity of the Greek-Latin Nobility of the Peloponnese (Fourteenth – Early Fifteenth Centuries)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 14, 1(123). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840023778-4-1>
- Boissonade, F. (Ed.). (1831). *Anecdota Graeca e Codicibus Regiis* (Vol. 3). Paris: Excusum in Regio Typographeo Regis Permissu.
- Bon, A. (1969). *La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris: E. de Boccard.
- Chrysostomides, J. (Ed.). (1985). *Manuel II Palaiologos. Funeral Oration on His Brother Theodore*. Thessalonike: Association for Byzantine Research.

Chrysostomides, J. (Ed.). (1995). *Monumenta Peloponnesiaca. Documents for the History of the Peloponnese in 14th and 15th Centuries*. Camberley (Surrey): Porphyrogenitus.

Dennis, G. T. (1982). Three Venetian Letters from Modon, 1400–1401. In G. T. Dennis, *Byzantium and the Franks: 1350–1420* (pp. 1–13). London: Variorum Reprints.

Dourou-Eliopoulou, M. (2020). The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, According to 13th and 14th-Century Latin Sources. In N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, & A. Papageorgiou (Eds.), *Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.)* (pp. 220–229). London; New York: Routledge.

Goryanov, B. T. (Ed., Trans.). (1953). Georgii Gemist Plifon. Rechi o reformakh [Georgios Gemistos Plethon. Speeches about Reforms]. *Vizantiiskii vremennik*, 6, 386–414.

Hladký, V. (2014) *The Philosophy of Gemistos Plethon. Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham: Ashgate.

Iorga, N. (Ed.). (1899). *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XIe siècle* (Vol. 1). Paris: E. Leroux.

Jacoby, D. (1971). *La féodalité en Grèce médiévale: les “Assises de Romanie”, sources, application et diffusion*. Paris: Mouton & Co; La Haye.

Kaldellis, A. (Trans.). (2014). *Laonikos Chalkokondyles. The Histories* (Vol. 1). Cambridge; London: Harvard University Press.

Leonte, F. (2009). A Brief “History of the Morea” as Seen through the Eyes of an Emperor-Rhetorician Manuel II Palaiologos’s Funeral Oration for Theodore, Despot of the Morea. In Sh. E. Gerstel (Ed.), *Viewing the Morea Land and People in the Late Medieval Peloponnese* (pp. 397–417). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Lock, P. (1995). *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London; New York: Longman.

Loenertz, R.-J. (1943). Pour l’histoire du Péloponnèse au XIVe siècle (1382–1404). *Études byzantines*, 1, 152–196.

Luttrell, A. (1984). Appunti sulle Compagnie Navarresi in Grecia, 1376–1404. *Rivista di Studi Bizantini e Slavi*, 3, 113–127.

Maisano, R. (Ed.). (1990). Giorgio Sfranze. *Cronaca*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.

Mazaris (1986). In S. V. Polyakova, I. V. Felenkovskaya, & Ya. N. Lybarsky (Eds., Trans.), *Vizantiiskii satiricheskii dialog* [Byzantine Satirical Dialogue] (pp. 72–128). Leningrad: Nauka.

Medvedev, I. P. (1973). *Mistra. Ocherki istorii i kul'tury pozdnevizantiiskogo goroda* [Mistra. Essays on the History and Culture of the Late Byzantine City]. Leningrad: Nauka.

Necipoğlu, N. (2009). *Byzantium Between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nicol, D. M. (1984). *The Despotate of Epiros 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.

Латинское население Пелопоннеса

Runciman, S. (2010). *Mistra. Byzantine Capital of the Peloponnese*. London; New York: Tauris Parke Paperbacks.

Schirò, J. (Ed.). (1975). *Cronaca dei Tocco di Cefalonia di anonimo*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.

Thiriet, Fr. (Ed.). (1958–1959). *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie* (Vols. 1–2). Paris: Mouton & Co, La Haye.

Tsougarakis, N. I. (2014). The Latins in Greece: A Brief Introduction. In N. I. Tsougarakis (Ed.), *A Companion to Latin Greece* (pp. 1–22). Leiden; Boston: Brill.

Tzavara, A. (2008). *Clarentza: une ville de la Morée latine, XIIIe–XVe siècles*. Venice: Institut hellénique d'études byzantines et post-byzantines de Venise.

Zakythinos, D. A. (1932). *Le Despotat Grec de Morée* (Vol. 1: Histoire politique). Paris: Société d'Édition "Les Belles Lettres".

Zečević, N. (2014). *The Tocco of the Greek Realm: Nobility, Power and Migration in Latin Greece (14th–15th Centuries)*. Belgrade: Makart.

Zhigalova, N. E. (2020). Bitvy za Akhائيu: voenno-politicheskaia situatsiia na Peloponnese v 1420-e gg. [Battles for Achaia: The Military-Political Situation in the Peloponnese in the 1420s]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 11, 4 (90). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840009229-0-1/>

Белоруссова, Татьяна Евгеньевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
истории Древнего мира и Средних
веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: belorussovaaa@gmail.com

Belorussova, Tatiana Evgenievna

PhD (History), Senior Lecturer
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenina Ave, Ekaterinburg, 620000
Russia

Email: belorussovaaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3493-1474>
Scopus AuthorID: 57219240275
WoS ResearcherID: ABB-9244-2021